

песне, как о чрезвычайно сильной с драматической точки зрения. Не отрицая ее сочности и талантливости, я должен однако сказать, что на меня, да и на очень многих, эта пьеса в чтении производила впечатление слабо сконструированной, даже скучноватой. Мне кажется, что заслуга Художественного Театра, превратившего ее в настоящий шедевр, чрезвычайно велика и отнюдь не умаляется достоинствами текста. Драма хороша, но ставить ее наряду с шедеврами Сухово-Кобылина или даже Гоголя никак невозможно. Между тем, в необычайно тонком, полном жизненности, великолепно наблюдаемом по живым следам сценическом воплощении ее Художественным Театром, «Смерть Пазухина» действительно становится одним из перлов русского театра. Нечего говорить, что столь виртуозного исполнения мы в Москве за последнее время не видели. Если сравнить почти накануне виденного мною «Расточителя» в 1-й студии, то разница, не в обиду будь сказано молодому МХТ, получается огромная. В игре молодого МХТ в реалистической и сатирической пьесе Лескова, во многом параллельной Щедриной пьесе, но, правда, значительно более слабой, было очень много недоделанности, а главное, даже там, где актеры играли хорошо и очень хорошо, всегда чувствовалось известное напряжение и искусственность. Полного слияния с образами, почти до иллюзии, до забвения актера, как это было в старшем МХТ, в особенности у Грибунина и Москвина, совсем не было на сцене молодого МХТ.

Необыкновенно сильный в тех случаях, когда он стилизует в гротеске карикатуру и несколько бледную декадентскую красоту, молодой МХТ оказался слабоватым, как только взялся за отображение куска русской жизни, да притом еще не нынешней, а прошлой. Если Камерный театр тяжело споткнулся о «Грозу» и показал свою полную неспособность (пока по крайней мере) браться за реалистическую драму, то некоторую неловкость и неопытность в этом отношении показал и младший МХТ, и это становится особенно ясным, когда после «Расточителя» пойдешь на «Смерть Пазухина».

Старший МХТ своим спектаклем перед революционной публикой, с *восхищением* принявшей его спектакль, показал свои могучие возможности. Да, пьеса, отражающая революцию, — искусство, которое не может не быть полно ненависти и презрения к врагу, как, с другой стороны, пафоса и подъема героического и практического идеализма, — безусловно может быть великолепно исполнена этими изумительными мастерами.

Но нельзя все-таки не сделать маленького упрека МХТ. Выбирая для своего показательного спектакля для этой критической революционной Москвы «Смерть Пазухина», МХТ наверное руководился теми соображениями, что пьеса эта в сущности глубоко современна.

Действительно, мы не настолько еще глубоко варыли старую Русь, мы не настолько еще доканали ее осиновым колом, чтобы не радоваться, когда через волшебную сцену МХТ великий Щедрин, трепеща от негодования и надрываясь желчным смехом, обнажает перед нами мир купцов и чиновников, т.-е. буржуазии и бюрократизма, двух наших, далеко еще не мертвых, врагов, когда он бичует, с одной стороны, их беспробудный, наивный по своей звериности эгоизм, а с другой стороны, их наглое лицемерие, густо смазанное религиозным маслом, свистящий бич Щедрина хлещет одновременно и их действительность, и их идеал. Художественный Театр, конечно, понимал эту сатирическую мощь пьесы и во многом понимание это предполагается уже самой художественностью исполнения. И все-таки, когда я спрашивал себя, можно ли давать пьесу Щедрина в 1924 году так, как она давалась в 1914 г., — я невольно отвечал себе, — нет, что-то нужно было пересмотреть. Я сказал бы, в исполнении Художественного Театра не было достаточной *алобы*.

В пьесе Щедрина есть эта алоба. В чтении пьесы может быть от этого производит несколько гнетущее впечатление. В исполнении Художественного Театра гнетущее впечатле-

ние не было. Было страшно веселое. Чудесное искусство актеров как бы *примиряло* с действительностью. Да, все пошло, все это дико, все это жалко, но все это нарисовано перед вами тончайшим художником и красота его колоритизация его рисунка, мягкость его туше — очаровывают и смягчают остроту впечатления.

Мне даже трудно ловить, в чем именно сказалось смягчающее очарование. Грибунин играл роль статского советника-вора в совершенстве. Москвин с такою виртуозностью изображал младшего Пазухина, что роль эта даже в изумительной коллекции других его ликов должна занять ли не первое место. Но вот уже в его игре чувствовалось некоторое несоответствие. В самом деле, ни где, ничуть не погрешая против реальности, богато наблюдаемой и стилизованной, Москвин, именно в силу своего огромного дарования, каким-то образом делает этого отвратительного и нелепого торгаша — симпатичным. Это не только мое впечатление. Многие, кого я спрашивал, сознавались, что они радовались победе младшего Пазухина над его врагами. Все время лица зрителей были улыбки, у некоторых смешивался восторг и ласковая усмешка, восторг, как дань московскому исполнению, а ласковая усмешка по адресу этого наивного и торжествующего плута, смешные стороны которого заслоняют и как бы искупают его гнусные пороки.

Быть может, прекрасные сами по себе, декорации Кудина, какие-то добродушные и любопытные в историческом отношении костюмы — способствовали этому же смягчению. В квартирах этих чиновников и купцов уютно, определено вкусно. Не провел ли Кустодиев всю уродливую затхлость Кругогорска через примиряющую палитру художника, вленного в красоту?

Было немало гениальных художников, умевших находить красоту в самом скромном, подчас даже отвратительном, жите. Но если художник, желающий быть современным, найдет красоту и даст нам понять ее в каком-нибудь объективно-уродливом явлении, то вряд ли это так уже похвалить. Нельзя аппетитно, авантюрино «красиво» давать «Горе от ума» или «Ревизора», а тем менее такую алую вещь, как «Смерть Пазухина». Художественность художественности роань. А мая над этим замечательным спектаклем, я сказал себе, слишком художественно, но — спохватился. Да, это слишком художественно, если под художеством понимать непременно уклон в эстетное, в радующее, красивое, примиренное, гомоничное. Если же считать художеством и раздражающее, чудовищное, беспощадно-правдивое, а ведь все это, конечно, тоже элементы высокой художественности, тогда это, пожалуй, недостаточно художественно. Словом, МХТ дал спектакль удивительно талантливый, глубоко содержательный, вполне уместный и в наши дни, но *слишком красивый* для такой пьесы — слишком безаллобный. От революционного театра требуем, чтобы он горел внутренним огнем, чтобы он кусал, когда берет на себя сатирическую задачу. Этого МХТ не назвал. Может быть, он и не может этого показать; может быть, он и не хочет этого показать. Все это будет ясно из дальнейших шагов театра. Пока мы можем только радостно констатировать, что в великолепной труппе вернувшихся из Америки артистов мы имеем действительно фалангу многогранных и мощных художников. Посмотрим, как-то будет она идти в ногу с железным шагом нашей эпохи.

ЛУНАЧАРСКИЙ.

P.S. Настоящая статья уже была написана, когда я попал в тюрьму с отъездом П. Маркова об этом же спектакле в «Правде» от 12 сентября. Я с удовольствием констатирую совпадение многих моих суждений с основными мыслями этой статьи. Несогласен я, пожалуй, только с некоторой переоценкой Щедрина, как драматурга, хотя достоинство «Смерти Пазухина», как пьесы, конечно, признаю. Мне радует, что совершенно независимо друг от друга и я и П. Марков пришли почти к одинаковым выводам.